

Какова же была реакция общественности и властей на отчет и рекомендации комиссии?

Рэп Браун — один из молодежных негритянских лидеров, сидевший тогда в тюрьме, иронически заметил, что «членов президентской комиссии тоже следует посадить в тюрьму, ибо в основном они говорят то же самое, что говорил я». По словам Мартина Лютера Кинга, «почти до мельчайших подробностей схожие рекомендации выдвигались и раньше и с такой же тщательностью игнорировались»⁴. А негритянский ученый-психолог Кеннет Кларк, приглашенный комиссией в качестве свидетеля, вспомнил отчеты аналогичных комиссий, созданных после чикагского «расового мятежа» 1919 г., волнений 1935 и 1943 г. в Гарлеме, 1965 г. — в Лос-Анджелесе, и сказал, что все это напоминает ему «одну и ту же картину, показываемую снова и снова: тот же самый анализ, те же самые рекомендации, и то же самое бездействие» (стр. 483).

Примерно такая же была реакция американской буржуазной прессы. Газета «Нью-Йорк пост», отметив, что отчет повторяет все, «уже сказанное раньше», сомневалась в том, что «важнейшие выводы и рекомендации не постигнет участь прежних подобных расследований». Газета «Нью-Йорк таймс» без обиняков назвала добронамеренные рекомендации комиссии «утопическими», ибо осуществление их потребовало бы колоссальных средств, а их поглощает война во Вьетнаме⁵.

Ход событий подтвердил эти оценки и предсказания. Отнюдь не спеша выполнять рекомендации комиссии в области улучшения жизненных условий негритянского населения, правительство и власти штатов куда внимательнее отнеслись к ее рекомендациям об укреплении и специальной подготовке полицейских сил. В 1968 г. численность полиции была увеличена, на вооружение ее поступили новейшие «технические средства»; насчитывающая 400 тысяч человек национальная гвардия штатов стала проходить специальное обучение и также получила специальную технику; были разработаны «координированные» планы подавления «городских волнений» силами полиции, национальной гвардии и армии и даже создан макет «типичного американского городского района» для практической отработки приемов такого подавления. Заметно усилились травля и преследования борцов за гражданские права, расистский террор.

За год, прошедший со времени опубликования отчета Комиссии по расследованию гражданских беспорядков, этот отчет, по данным прессы, разошелся невиданным для Америки тиражом в 2 млн. экземпляров. Однако рекомендации комиссии о повышении жизненного уровня негритянского населения так и остались лишь на бумаге. Результатом было дальнейшее «повышение температуры» на фронте борьбы за гражданские права: злодейское убийство Мартина Лютера Кинга вызвало в апреле 1968 г. такой взрыв «гражданских беспорядков», что на подавление их властям пришлось бросить более ста тысяч полицейских и солдат национальной гвардии и армии. В 1968 г. негритянские волнения в США охватили в полтора раза больше городов, чем в 1967 г.

1 марта 1969 г. возглавляемая Кернером комиссия опубликовала новый отчет, озаглавленный «Год спустя», в котором вынуждена была констатировать, что Соединенные Штаты «находятся еще на год ближе к расколу на два общества — черное и белое, еще более разделенные и по-прежнему неравные». Заместитель председателя комиссии — мэр Нью-Йорка Дж. Линдсей заявил в связи с этим: «Для Америки было бы лучше, если бы сделанное год назад предостережение не оказалось эпитафией будущему»⁶. Однако, судя по деятельности пришедшего к власти в США в 1969 г. правительства республиканцев, это предостережение имеет сейчас еще меньше шансов быть услышанным, чем в годы правления президента Л. Джонсона.

Э. Л. Нитобург

⁴ Цит. по газ. «Известия», 9.III.1968; «Правда», 12.IV.1968.

⁵ См.: «Правда», 3.III, 12.IV.1968.

⁶ См. «Newsweek», 10.III.1969, p. 29.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

A. Parpola, S. Koskeniemi, S. Parpola and P. Aalto. *Decipherment of the Proto-Dravidian inscriptions of the Indus civilization. A first announcement*, Copenhagen, 1969

В коллективной работе финских авторов, опубликованной Скандинавским Институтом азиатских исследований, излагаются некоторые наблюдения над протоиндийскими текстами. Эти наблюдения касаются, в основном, двух областей, а именно: вопроса о передаче протоиндийскими знаками некоторых грамматических показателей и вопроса об истолковании отдельных знаков.

Публикация финских авторов, широко освещенная в международной прессе, была встречена советскими исследователями с живым интересом. Методы, примененные финскими учеными для исследования протоиндийских текстов, во многом совпадают с на-

шими методами и в ряде пунктов (направление письма, расчленение текстов, языковая принадлежность протоиндийских надписей и т. д.) выводы наших финских коллег перекликаются с выводами, содержащимися в наших публикациях¹. Мы должны вместе с тем подчеркнуть, что работы финских авторов в целом характеризуют, как нам кажется, тенденция к слишком широкому и слишком поспешным обобщениям. В результате многие утверждения финских авторов представляются либо недостаточно обоснованными, либо прямо сомнительными. Финские авторы почти не ссылаются на предыдущие работы, а советские публикации, как они сами указывают, остались им неизвестными (стр. 8).

Письмо определено как логографическое. Мы предпочитаем воздерживаться от этого термина, так как в точном смысле логографическое письмо должно передавать словоформы, например, имя существительное в родительном падеже — один знак, в дательном падеже — другой знак и т. д. Такого письма, конечно, никогда не существовало, потому что потребовалось бы несуразно большое число знаков. Финские авторы считают, что в протоиндийском письме существовали знаки, передающие корень или основу слова, и знаки, передающие аффиксы. Это соответствует и нашим наблюдениям. Таким образом, характер письма определен, в общем, одинаково, и различие только в терминах. Следует, однако, отметить, что мы не исключаем категорически, как это делают финские авторы (стр. 21), возможности употребления синлабических знаков для написания основы слова. Кривая абсолютной частоты знаков, характерная для иероглифической (морфемно-силлабической) системы письма, у финских авторов (стр. 9) совпадает с полученной нами². Пиктографическое письмо дает совершенно иную кривую.

Финские авторы, как и предыдущие исследователи, считают, что в протоиндийском алфавите было около 300 знаков (включая варианты написания — до 400) и отмечают наличие лигатур и диакритики. Нет расхождений и в определении последовательности чтения знаков в строках — справа налево (с редкими исключениями).

Чтобы расчлнить непрерывные (без словоразделов) строки протоиндийских надписей авторы прослеживают повторяющиеся сочетания знаков (стр. 11), называя их «словами». Мы предпочитаем называть такие повторяющиеся сочетания знаков не «словами», а «блоками», так как во многих случаях они передают не слова, а словосочетания.

Как показал формальный анализ, в состав протоиндийского блока входят постоянные и переменные знаки. Постоянные знаки (от 1 до 3) передают корневую часть слова. В их число входят морфемные знаки (соответствующие логографическим финских авторов), а также синлабические (наличие которых финские авторы отрицают), звуковые подтверждения или фонетические компоненты (о них финские авторы не упоминают) и детерминативы (наличие которых допускают и финские авторы).

В начале протоиндийских блоков часто стоят 1—2 знака (в том числе цифры) — в нашей терминологии полуперемennые — передающие определение, обычно имя прилагательное и числительное без морфологического оформления. В этих случаях блоку соответствует не слово, а устойчивое сочетание 2—3 слов.

Переменные знаки в конце блока передают суффиксы — словообразующие (вторая группа полуперемennых) и словоизменяющие (собственно переменные знаки). Из последних финские авторы рассматривают 5 знаков (табл. 1—5) — «ашваттха», «стрела», «гребенка», «мужчина» и «носилищик», сопоставляя их с дравидийскими суффиксами.

Таблица знаков

(в скобках указаны толкования финских авторов)

	— дерево ашваттха («корабль»)		— носилищик
	— стрела или дротик («стрела»)		— («барабан»)
	— («гребенка»)		— четвероногое животное («скорпион»)
	— мужчина		

¹ «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов». М., 1965; Рецензии: Н. В. Гуров и Т. Е. Катенина, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Кнзикова, One more Step towards the Deciphering of the Proto-Indian Script, «New Orient», 1966, vol. 5; Proto-Indica: 1968. Brief Report on the Investigation of the Proto-Indian Texts. VIII International Congress of the Anthropological and Ethnographical Sciences (Tokio, September, 1968), М., 1968.

² И. К. Федорова, К вопросу о характере языка текстов острова Пасхи, «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 86—87. Федорова работала на половине материала (только первая публикация текстов), поэтому числа вдвое меньше, чем у финских авторов.

Финские авторы считают априори, на основании косвенных историко-культурных данных, что язык протоиндийских надписей — дравидийский (стр. 5—6). Советские исследователи пришли к выводу о том, что протоиндийские тексты написаны на дравидийском языке на основе формального (позиционно-статистического) изучения протоиндийских блоков. При этом выяснилось, что в языке протоиндийских надписей отсутствуют префиксы, имеются суффиксы, которые могут соединяться по два (иногда по три), определение (морфологически не оформленное) стоит перед определяемым. В связи с этим отпали, с одной стороны, языки мунда, индоарийские и хеттский, имеющие развитую префиксацию, а с другой — шумерский, эламский и хурритский, в которых определение стоит после определяемого. Таким образом, советские исследователи решали вопрос о языковой принадлежности протоиндийских надписей на основе формального анализа путем последовательного перебора вероятных языков. Язык протоиндийских надписей обладает специфическим сочетанием признаков, свойственным только дравидийским языкам. Установление языковой принадлежности протоиндийских надписей составило первый этап работы советских исследователей, отраженный в соответствующей публикации (1965) и рецензиях. Знак «ашваттха» финские авторы толкуют как показатель родительного падежа. Аналогичным образом толковали этот знак П. Мерджи³, Дж. Р. Хантер⁴ и Х. Эрас⁵, который сопоставил его с соответствующим дравидийским суффиксом. По нашим данным, этот знак передает дравидийскую морфему косвенного (применного) падежа, выполняющую функцию родительного падежа и являющуюся основой для образования падежных словоформ. Следует учитывать, что на ранней стадии развития дравидийских языков косвенный падеж часто мог выступать в значении различного рода конкретных падежей — местного, инструментального, отложительного и т. п.⁶

Финские авторы считают этот знак изображением корабля, ссылаясь на протошумерские знаки (№№ 216—219 каталога Фалькенштейна⁷). Однако протошумерские знаки весьма мало подходят на протоиндийский знак. К тому же известно и протоиндийское изображение корабля (МП, 30)⁸, также непохожее на данный знак. По нашим данным, этот знак является стилизованным изображением дерева ашваттха. На протоиндийских изображениях в середине такой раздвоенной ашваттхи помещается богиня. Раздвоенная ашваттха изображений весьма похожа на данный знак, особенно на некоторые его декоративные варианты.

Нельзя признать удачным и фонетический эквивалент, выбранный финскими авторами для данного знака (PDr. *uṭai*, oṭai «обладание, богатство»-PDr. *oṭa(y) «корабль»=PDr. *oṭa «соединение, сочетание»). Нет никаких данных, позволяющих предположить, что в дравидийских языках существовал когда-либо суффикс косвенного (родительного) падежа близкий к типу *uṭ-, *oṭ- по своему фонологическому облику. Привлеченные финскими авторами сопоставления касаются лишь суффиксов конкретных падежей, существующих в некоторых, сравнительно немногих дравидийских языках (тамильское — oṭi всегда выступает, например, только в значении суффикса социатива).

Предложенная нами в 1965 г. интерпретация этого знака позволяет сопоставить его с широко распространенной в дравидийских языках морфемой косвенного падежа *-t-, *(V)t(V)-⁹ (ср. DED¹⁰, 123 *att-(y) V «ашваттха»).

Знак «стрела» финские авторы толкуют как показатель дательного падежа (стр. 22). Мерджи¹¹ толковал этот знак как показатель именительного падежа, Хантер считал его функционально близким к «ашваттхе», то-есть показателю родительного падежа, а Эрас — суффиксом локатива. По нашим данным знак «стрела» передает суффикс косвенного падежа.

Финские авторы считают этот знак изображением стрелы, ссылаясь на протошумерский знак № 221 каталога Фалькенштейна. Протоиндийский знак, действительно, похож на стрелу с наконечником или дротик. Протошумерский знак, изображающий стрелу, значительно отличается от протоиндийского. Последний совпадает с вариантами шумерского знака «глаз», как отметил Хантер, хотя совпадение здесь чисто случайное. Непонятно в то же время, почему именно в качестве фонетического эквивалента этого знака финские авторы избрали PDr. *koṭ(i) (DED 1704). Обращаясь к данным срав-

³ P. Meriggi, Zur Indus-Schrift, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, 1933, p. 217.

⁴ G. R. Hunter, The Script of Harappa and Mohenjodaro and its Connection with other Scripts, London, 1934, p. 27.

⁵ H. Heras, Further Excavations at Mohenjo-Daro, Calcutta, 1939, и др.

⁶ K. Zvelebil, Yu. Glasov, M. Andronov, Introduction to the Historical Grammar of the Tamil Language, M., 1967; P. S. Subramanya Sastri, Historical Tamil Reader, Annamalai, 1943.

⁷ A. Falkenstein, Archaische Texte aus Uruk, Berlin, 1936.

⁸ E. J. H. Mackay, Further Excavations at Mohenjo-Daro, Delhi, 1938.

⁹ Bh. Krishnamurti, Telugu Verbal Bases, Berkeley, 1961, p. 259; J. Bloch, The Grammatical Structure of Dravidian Languages, Poona, 1954, p. 14—17.

¹⁰ T. Burrow, M. B. Emeneau, Dravidian Etymological Dictionary, Oxford, 1961; Supplement, Oxford, 1968.

¹¹ P. Meriggi, Указ. раб., стр. 226; G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 105.

нительно-исторической реконструкции, следует быть очень осторожным в постулировании всякого рода семантических и фонологических переходов. Дравидийский этимон привлеченный финскими авторами означает «кончик, наконечник, гребень (петуха) макушка, вершина» и т. п. Отождествляя этот знак с изображением стрелы нужно было бы учитывать, во-первых, наличие целого ряда общедравидийских терминов со значением «стрела» (DED, 150, 691, 1852, 4098, 4405, 4449 и др.) и, во-вторых, тот факт что эти термины, как правило, семантически связаны либо с лексемами («заостренная» палка, копье, меч, игла (дикообраза)» и т. п. (DED, 150, 979, 1852, 4405), либо же с глаголом «стрелять, пускать стрелы» (DED, 691). Выводить же непосредственно аффикс дательного падежа, восстанавливаемый на протодравидийском уровне — * $(\bar{n})k(V)$ ¹² из архетипа * $ko\bar{t}(i)$, как это делают финские авторы (стр. 44) решительно невозможно как с фонологической, так и с морфологической точки зрения.

Финские авторы не объясняют, для чего могли понадобиться многочисленные печати с наименованием профессии в дательном падеже, например, «начальнику писцов» (стр. 37). По нашей интерпретации, в дательном падеже (выраженном «гребенкой») стоят имена богов в жертвенных надписях (где и следует ожидать дательного падежа).

Знак «мужчина» финские авторы толкуют как показатель мужского рода или детерминатив мужского рода (стр. 28—29). Мериджи и Хантер¹³ толковали этот знак, как изображение мужчины. По нашим данным, этот знак передает не только детерминатив «мужчина», но и словообразующий суффикс мужского рода, обычно комбинируясь со знаком косвенного падежа («ашваттха»)¹⁴. Различие состоит в том, что, например, блок «б — рыба» (созвездие Плеяд) с финальными знаками «ашваттха» — «мужчина» означает, по нашему толкованию «сын Плеяд» (Сканда), а по финским авторам — Плеяды в мужском роде, что представляется несообразным.

Знак «гребенка» финские авторы толкуют как показатель женского рода (стр. 29). Хантер полагал, что этот знак передает послелог «из, от»¹⁵. По нашим данным это показатель дательного падежа¹⁶. Для этого существует ряд формальных оснований, в частности этим знаком, обычно в сочетании со знаками косвенного падежа, часто заканчиваются блоки, передающие имена богов в жертвенных надписях, где явно должен быть дательный падеж. Очевидно, запутывающим было то обстоятельство, что в ряде случаев в жертвенных надписях блоки, передающие имена богов оканчиваются только знаками косвенного падежа («ашваттха», «стрела»), без показателя дательного падежа («гребенка»). Однако в этом случае, очевидно, наличествуют варианты жертвенной формулы, вполне соответствующие дравидийским. Сочетание двух суффиксов — косвенного и дательного падежа — характерно для дравидийских языков.

Знак «носильщик» финские авторы толкуют как показатель множественного числа (стр. 23), в явном противоречии с данными формального анализа. Этот знак передает не морфологический показатель, а отдельное слово, истолкованное нами «бог-хранитель» или «защита»¹⁷. Запутывающим в данном случае было то обстоятельство, что знак «носильщик» стоит в конце многих блоков, передающих имена богов. Однако в дравидийских языках вслед за корневой морфемой может находиться не только аффикс, но и полнозначный синтаксический элемент, например, приложение. Знак «носильщик», судя по всему, и является в жертвенных надписях приложением, означающим «защитник, хранитель» (в надписях апотропеического типа он означает, соответственно, «защита, охрана»). Вместе с тем знак «носильщик» употребляется не только в качестве приложения к именам богов, но и самостоятельно, с различными эпитетами и без них. Особенно показателен случай, когда вся надпись (МП, СП, 1) состоит из двух знаков — «носильщик» (в лигатуре с «ашваттхой») и знак человека с поднятой рукой («благословляющий» жест), где речь идет явно о боге-хранителе, связанном со странами света. Знак «носильщик» сочетается с финальными переменными знаками косвенного («ашваттха», «стрела») и дательного («гребенка», «ашваттха», и «гребенка») падежей. Финские авторы полагают, что лигатуры «носильщик» — «ашваттха» и «носильщик» — «стрела» читаются в обратном порядке («ашваттха» — «носильщик»). В действительности в протоиндийских лигатурах наверх или в середину знака вписывается последующий. Случай, когда знак «носильщик» стоит после имени божества в косвенном падеже с финальным знаком «ашваттха» отнюдь не являются разверткой лигатуры «носильщик» — «ашваттха», и могут вполне убедительно интерпретироваться обычным путем (например, «красной богини защита» и т. п.).

Если следовать финским авторам в толковании знаков «гребенка» и «носильщик», то получается, что в протоиндийском языке морфологические показатели идут в следующем порядке: показатель родительного падежа — показатель множественного числа — показатель женского рода («ашваттха» — «носильщик» — «гребенка») и т. п. Одна-

¹² М. С. Андронов, Дравидийские языки, М., 1965, стр. 53—55; J. Bloch, Указ. раб.

¹³ P. Meriggi, Указ. раб., стр. 226; G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 105.

¹⁴ Proto-Indica: 1968, p. 34.

¹⁵ G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 113.

¹⁶ Proto-Indica: 1968, p. 37.

¹⁷ Proto-Indica: 1968, p. 38—40.

до, как отмечают сами финские авторы (стр. 21), в дравидийских языках суффикс множественного числа предшествует падежному суффиксу. Финским авторам приходится сделать парадоксальное допущение, что в протоиндийском языке было наоборот. Такое допущение ничем не оправдано, так как последовательность суффиксов в морфологической цепочке относится к числу весьма консервативных явлений и не имеет тенденции изменяться в самых различных языках мира, в том числе и дравидийских. Финские авторы совершенно игнорируют тот факт, что знак «гребенка» (показатель женского рода, по их утверждению) часто встречается после знака «стрела» (переходящего, по их утверждению, показатель дательного падежа). Подобный порядок — показатель дательного падежа — показатель женского рода — является абсолютно невысказанным не только для дравидийских языков, но и для любых агглютинативных языков. Весьма трудно понять, если принять толкования финских авторов, что означают сочетания финальных переменных знаков «ашваттха» — «мужчина» — «гребенка» (по финским авторам, показатель родительного падежа — показатель мужского рода — показатель женского рода).

Например, блок «шесть — рыба» истолкован Эрасом и нами «6 звезд» (название созвездия Плеяд у дравидов)¹⁸. Это толкование принимают и финские авторы (стр. 44). Этот блок встречается 10 раз. Знак «носильщик» (показатель множественного числа, по финским авторам) стоит в конце этого блока только 1 раз. В 3 случаях в конце блока стоит знак «гребенка» (показатель женского рода, по финским авторам), а в 3 других случаях — знак «мужчина» (показатель мужского рода, по финским авторам). Отметим, между прочим, что две надписи из трех, где этот блок имеет финальный знак «гребенка» — жертвенные, в которых следует ожидать дательного падежа. Блок «двенадцать» встречается 10 раз с финальным знаком «ашваттха» и только 1 раз со знаком «носильщик». Блок «семь» встречается 6 раз с финальным знаком «ашваттха», 1 раз с финальным знаком «гребенка» и ни разу со знаком «носильщик». Число подобных примеров можно, конечно, значительно увеличить. Таким образом, формальный анализ не подтверждает толкования финскими авторами знаков «носильщик» и «гребенка» как показателей множественного числа и женского рода.

Заканчивая рассмотрение предложенной финскими авторами интерпретации переменных знаков, следует отметить, что отождествление знаков «носильщик» и «гребенка» с показателями множественного числа и женского рода не соответствует тому, что до сих пор известно об исторической морфологии дравидийских языков. Аффикс множественного числа — *ka| (точнее — *(n)kV|V), с которым они отождествляют знак «носильщик», по имеющимся данным является скорее всего вторичным стяжением двух протодравидийских аффиксов — *(n)kV и -(V)|V, так или иначе связанных с категорией числа. В «сложном варианте» этот аффикс встречается лишь в некоторых дравидийских языках (тамилский, малаялам, каннада, телугу, колами, парджи), причем во всех этих языках он сочетается прежде всего с именами «среднего рода»¹⁹. В таких условиях представляется крайне опасно реконструировать «сложный» аффикс для протодравидийского состояния да еще в качестве показателя имен одушевленного (мужского и женского) рода. Разумеется, точная схема протодравидийской морфологии остается нам до сих пор неизвестной и даже в тех пределах, в каких мы ее знаем — является во многом результатом научной абстракции. Тем не менее сопоставляя неизвестную письменность с данными искусственно реконструированного праязыкового состояния, мы оказываемся вынужденными учитывать прежде всего наиболее типичные для данной группы языков явления — как в области фонологии, так и в области морфологии и синтаксиса. Иной путь лишает нашу аргументацию всякой научной убедительности.

На этом основании нельзя признать удачной и реконструкцию суффикса женского рода, производного от корня *rep- — «женщина» (DED, 3608). Такой суффикс не зарегистрирован ни в одном дравидийском языке. Слова, этимологически связанные с корнем *rep-, употребляются либо как самостоятельные (полнозначные) — там. rīpāi «самка», кодагу roppi «жена» и т. д., либо же — в качестве своего рода лексических детерминативов, образующих названия женских особей животных и растений. В этом случае, однако, «детерминатив» неизменно предшествует корню (ср. там, rep. rapāi «женское (плодоносящее) пальмировое дерево», repriḷi «тигрица» и т. д.).

Следует добавить, что и чисто фонологически идентификация слова «гребенка» (DED, 3607) с корнем *rep кажется весьма сомнительной. Из всех дравидийских слов, приведенных в статье DED, 3607 корневой гласный — e — отмечается только в парджи и гонди — т. е. как раз в тех языках, где протодравидийское — *a — постоянно реализуется как — e — (наряду с — a —)²⁰. Все остальные слова, добавленные к этой статье

¹⁸ «Предварительное сообщение...», стр. 51.

¹⁹ М. С. Андронов, Указ. раб., стр. 49—52, ср. Bh. Krishnamurti, Указ. раб., стр. 257—258. Финские ученые отмечают этот факт (стр. 57), но почему-то не делают из него никаких выводов.

²⁰ K. Zvelebil, Comparative Study of the Dravidian Family of Languages, «Archiv Orientalni», 1965, vol. 33, pt. 3.

в DEDS в качестве корневого гласного имеют —а—, а не —е— (каннада panile, телугу rappe и др.). Этимон DED, 3607, очевидно, восходит не к протодравидийскому *rep-, а к *rap- (к архетипу *pa—C, *va—C восходят многие слова со значением «гребенка», «зубчатый инструмент», семантически связанные с глаголами «чесать, скрести, царапать»; см., например, DED, 3313, 3364, 3607, 4255, 4302, 4333, 4357, 4388, 4393, 4407, DEDS, 855).

Далее финские авторы уделяют значительное внимание толкованию отдельных знаков, передающих корневую часть блоков, следуя при этом следующей методике: опознавание изображаемого знаком предмета — установление смысла знака — поиск соответствующих дравидийских омофонов (например, слово «рыба» и «звезда» звучат в дравидийских языках одинаково, отсюда можно заключить, что знак «рыба» в некоторых случаях может означать «звезда»). Такая методика не вызывает возражений, однако остается весьма неясным, насколько успешно ее можно реализовать.

Советские исследователи полагали, что более целесообразно придерживаться несколько иной линии изучения. Прежде всего следует выделить определенные типы надписей, установив их общий смысл (вторая советская публикация посвящена, в основном «жертвенным» надписям), а затем переходить к анализу отдельных блоков и составляющих их знаков. Таким путем нам удалось установить серию имен богов и интерпретировать некоторые из них.

Не вызывают возражений опознание финскими авторами знаков «мужчина», «носильщик», «рыба», «краб», «горы», «лук со стрелой», «стрела», «сосуд», «барабан». Большинство этих знаков опознается просто по внешнему виду и одинаково толковалось всеми предыдущими авторами. Сомнительным представляются знаки, опознанные, как «рука», «обезьяна», «ступка». Совершенно непонятно, почему знак, изображающий бегущее четвероногое животное (показано туловище с косыми штрихами, передние и задние ноги, голова с острыми ушами и короткий хвост; знак повернут на 90° головой вниз; по Хантеру²¹ — шакал, более вероятно полосатая гиена) опознан финскими авторами как «скорпион» (стр. 38), хотя ясные и совершенно непохожие на этот знак изображения скорпиона имеются на протоиндийских печатях. Совершенно невозможно согласиться с финскими авторами, толкующими самостоятельный знак как аллограф, «упрощенный» знак барабана (табл., 6), (стр. 31). Равным образом невозможно согласиться с финскими авторами, которые разлагают знак, изображающий четвероногое животное (по Мериджи, лошадь, что весьма мало вероятно) на неясный объект и «гребенку» (стр. 29). Как правильно отмечают финские авторы, маленькие штрихи являются цифрами (так считали и все предыдущие исследователи), но большие штрихи, вопреки мнению финских авторов, им не тождественны, и имеют особое значение. Финские авторы правильно отмечают наличие ряда лигатур — сочетаний знака «мужчина» с рядом других знаков. Однако в некоторых случаях финские авторы заходят слишком далеко и рассматривают как лигатуры простые знаки, например, «копьеносец», «лучник», «адорант с сосудом».

Для опознания протоиндийских знаков финские авторы в ряде случаев привлекают протошумерские и шумерские, а также древнеегипетские («небо», «десять»). Мы считаем методически неправильным сопоставлять отдельные знаки протоиндийского письма с отдельными знаками других систем письма. Предыдущие исследователи сопоставляли знаки протоиндийского письма с шрифтом брахми, южноарабским шумерским, протоэламским, хеттским, древнеегипетским, китайским, рапануйским, что, однако, не дало каких-либо результатов, хотя отдельные знаки действительно очень близки или тождественны.

Совпадения отдельных протоиндийских знаков с древнеегипетскими (например, «небо») или хеттскими (например, «город») ²² являются, конечно, случайными. В других случаях знаки оказались сходными, так как изображался сходный предмет (например, рыба, колос, стрела, сосуд и т. д.). Вместе с тем следует отметить, что иероглифика различных народов существенно отличается по стилю и приемам изображения. Так например, древние перуанцы, рапануйцы, китайцы, протоиндийцы и египтяне предпочитали изображать фигуры персонажей и животных полностью, а майя, шумеры, хетты и критяне — с редкими исключениями только головы («лицевые знаки»). Попытки диффузионистов вывести все системы письма из одного центра, или хотя бы сократить количество центров возникновения письма, успеха не имели, так как оказывалось, что в каждом центре источником иероглифики была местная пиктография.

Не подлежит сомнению, что протоиндийское и шумерское письмо восходят к различным пиктографическим источникам. Например, многочисленные протоиндийские линейные изображения персонажей и животных не имеют аналогий среди шумерских знаков, а многочисленные «лицевые» (изображающие голову) шумерские знаки не имеют аналогий среди протоиндийских. Однако, как отмечали уже первые исследователи протоиндийского письма, имеется некоторое количество знаков сходных с шумерскими. Помимо таких знаков, сходство которых можно вполне объяснить конвер-

²¹ G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 81.

²² G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 203; P. Meriggi, Указ. раб., стр. 235.

тенцией (колос, рыба, сосуд, вода, арфа и т. п.), можно указать также сходные с протоиндийскими шумерские знаки «серебро», «медь», «дерево», «кожа», «одежда», «великий». Вопрос об этих знаках пока остается открытым. Если предки дравидов двинулись в Индию по долинам Тигра и Евфрата, а затем по берегу Персидского залива, то шумеры, пришедшие в нижнюю Месопотамию позже, должны были вступить с ними в контакт в очень ранние времена, в результате чего могли появиться некоторые корреспонденции как в языке, так и в пиктографии. Вопрос о некотором количестве сходных знаков в протоиндийском и шумерском письме, по-видимому, связан с вопросом об убайдском (по названию дошумерской культуры Эль-Убейд) языковом субстрате в шумерском языке.

Возвращаясь к вопросу о возможностях реализации методики финских авторов (опознание изображаемого знаком объекта — установление смысла — поиск омонимов) следует отметить, что порядок фактически иной, в связи с чем результаты толкования отдельных знаков оказываются скомпromетированными на том или ином уровне. Так, например, финские авторы опознают протоиндийский знак как «скорпион», затем отыскивают дравидийские омонимы к слову «скорпион» и получают окончательное значение «ученый». Это значение ни в коей мере не подтверждается формальным анализом. Тем не менее, финские ученые считают, что смысл надписи уже установлен — в ней, по их мнению, указана профессия собственника печати. Однако, поскольку протоиндийский знак отнюдь не является изображением скорпиона, все дальнейшие рассуждения финских авторов никакого смысла не имеют. Совершенно аналогичным образом финские авторы считают, что протоиндийский знак, тождественный, по их мнению, с шумерским знаком «сад» (хотя среди шумерских знаков есть значительно более близкие), означает «царь» (на основе весьма неточно установленных дравидийских омонимов). Отсюда делается вывод о смысле надписи — «слуга царя» и т. д.

Таким образом, финские авторы сначала опознают изображаемый знаком объект (не очень сосредотачиваясь на доказательствах), затем подыскивают дравидийский омоним, после чего уже делают вывод о смысле надписи, что находится в явном противоречии с объявленной ими методикой. В связи с этим «список профессий», устанавливаемый финскими авторами является, в основном, списком случайных совпадений. Даже в тех случаях, когда опознание знака не вызывает никаких сомнений, истолкование вызывает недоумения. Почему, например, человек с луком в руке должен считаться «торговцем» только на том основании, что слова «лук» и «торговец» звучат в дравидийских языках сходно.

Следует добавить, что предлагаемые в качестве фонетического чтения отдельных знаков протодравидийские реконструкции сплошь и рядом оказываются ошибочными. Мы уже отчасти касались этого вопроса, рассматривая предложенные финскими учеными объяснения переменных знаков. То же самое можно сказать и о значительном количестве корневых знаков, истолкованных финскими авторами. Весьма неточно восстанавливаются, например, (стр. 26) праформы дравидийских числительных «один» (*og — вместо *ok —, *on — t —, *or), «шесть» (*(c)ag — вместо *caṭ —), «восемь» (*ep — вместо *et —, *e(n)t —)²³. Слово «жрец», которое финские ученые восстанавливают как *taṃpa (la) и сопоставляют с *taṃpa (ta) «барабан» (стр. 37), в действительности — для периода существования протодравидийской общности — должно быть реконструировано как *(ta —) — amṛ(V) —, *(pa —) — amṛ(V) —, поскольку местоименные проклитики *ta —, *pa — («его, тот»; «мой, наш»)²⁴ в то время, судя по всему, существовали еще как ясно осознаваемая языковая реальность.

Главная причина всех этих ошибок заключается в том, что финские ученые не учитывают всей сложности исторического развития дравидийской фонологии и — даже отмечая те или иные чередования фонем — не пытаются представить себе, могли ли эти чередования иметь место в протодравидийскую эпоху. Неверные реконструкции влекут за собой неверные аналогии и сводят на нет всю предшествующую работу по опознанию того или иного знака. Так, например, финские авторы (стр. 23) постулируют «омонимию» корней *kaz(V) — «палка, шест» (DED, 1155) и *ka(n)t — «связка, охапка, куча» (DED, 1178). Между тем вполне очевидно, что в протодравидийскую эпоху они были весьма различны по фонетическому составу и, следовательно, не могли графически передаваться одним и тем же знаком. С другой стороны, неверная реконструкция слова «краб» (laṃḍri) заставляет финских авторов утверждать, что это слово «не имеет омонимов» (стр. 44), хотя в действительности этимон «краб» (*pal — t(V), DED, 2362) может иметь целый ряд омонимов, таких как DED, 2366, 2997, 2998 и т. п. Список неточных и прямо ошибочных реконструкций можно продолжать.

Подводя итог всему сказанному, мы считаем необходимым отметить, что финские авторы, несомненно, правильно определили язык протоиндийских надписей и, в основ-

²³ Cp. M. B. E m e n e a u, Numerals in Comparative Linguistics (with special reference to Dravidian). «The Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia Sinica», vol. XXIX, Taipei, 1957.

²⁴ M. B. E m e n e a u, Dravidian Kinship Terms, «Language», vol. 29, N 3, 1953.

ном, удовлетворительно объяснили способ написания (наличие «идеограмм», передающих корни слов, фонетических знаков, передающих суффиксы, детерминативов, использование омонимии). Мы полагаем вместе с тем, что принятый финскими авторами метод истолкования отдельных знаков может привести к значительным ошибкам и вряд ли приблизит дешифровку протоиндийских текстов, хотя финские авторы и заявили, что она уже реализована.

Н. В. Гуров, Ю. В. Кнорозов

НАРОДЫ СССР

Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву. 1967, 262 стр., с илл.

Вышла в свет ценная книга, рассказывающая об одной из наиболее ярких страниц русского народного искусства XVII—XIX вв. — о резьбе и росписи по дереву. В истории русского прикладного искусства дерево всегда занимало почетное место; особенно широко оно использовалось в быту русской деревни. Из этого дешевого материала создавались неповторимые по красоте вещи.

Авторы книги — научные сотрудники Отдела дерева Исторического музея; основой работы послужили его богатые коллекции.

Материалы, публикуемые в книге, хронологически можно разделить на два периода. Более раннему посвящены статьи «Расписные сундуки 17—18 веков» С. К. Просвиркиной и С. К. Жегаловой и «Расписная мебель» З. П. Поповой; статьи «Художественные прялки» С. К. Жегаловой, «Городецкие дощечки» Ю. С. Черняховской и «Художественные изделия из бересты» С. Г. Жижиной знакомят с многообразием искусства русской деревни XIX — начала XX в.

Рецензируемая книга — итог многолетней работы авторов в экспедициях и архивах. Они ставили перед собой задачу ввести в научный оборот произведения народного творчества, ознакомить широкие слои общественности с замечательными произведениями прикладного искусства. Все статьи богато иллюстрированы, что очень помогает восприятию материала. В публикуемых иллюстрациях представлены различные виды техники резьбы и росписи.

Ценно, что в этой работе впервые указаны центры производства тех или иных изделий. Мы видим произведения вологодского, мезенского, пермогорского, великоустюжского, борейского типов. И в тексте, и в иллюстрациях проведена классификация. Как известно, многие ценные в художественном отношении памятники, поступившие в Исторический музей от коллекционеров, были «беспаспортными». Лишь в результате кропотливой работы научных сотрудников удалось определить время и место их создания. В экспедициях авторам удалось познакомиться с некоторыми, еще недавно работавшими мастерами и узнать много ценного из истории народного искусства.

В статье «Расписные сундуки XVII—XVIII вв.» рассказывается о значении этих вещей в быту и о центрах их производства — Великом Устюге и Холмогорах. В XVI—XVIII вв. это были известные центры промышленности и ремесла. Расписные сундуки в те времена широко употреблялись в быту и были двух форм: дорожный «подголовок» и ларец — «теремок», в них хранили одежду, книги, ценные бумаги, драгоценности, их брали в дорогу. Авторы статьи подробно анализируют художественное оформление этих изделий; они подчеркивают, что роспись не была случайной и получила значительное распространение. В росписи XVII в., кроме растительных форм, много сюжетных изображений, характерных для того времени: сказочные птицы, всадники в рыцарских доспехах, эпизоды из окружающей жизни. Жанровые росписи XVII—XVIII вв. с изображением людей, бытовых сцен могут быть одним из источников изучения одежды и других элементов материальной культуры.

Из статьи мы узнаем о том, что в отличие от подголовков и ларцов, в которых роспись делалась на внутренних стенках, крестьянские сундуки расписывались снаружи. Особенно ярко украшались сундуки для приданого невесты.

В статье «Расписная мебель» рассказывается о коллекции русской расписной мебели, хранящейся в Историческом музее. Самые ранние предметы этой коллекции, насчитывающей 60 предметов, датированы концом XVII в., самые поздние относятся к концу XIX в. Автор приводит интересные сведения о живописцах, об употребляемых ими материалах, оплате их труда и условиях работы. Заслуживают положительной оценки анализы росписи мебели, ее сюжетных композиций и их происхождения.

Расписная мебель встречалась в интерьере жилищ крестьян и посадских людей; подтверждение этому мы находим в материалах о городских торгах XVII в. Очень интересны описания русской расписной мебели. Это важно для нас, так как имеющиеся в других музеях немногочисленные экспонаты не могут дать полного представления об этих памятниках народного искусства.

В статье «Художественные прялки» приведен материал о резных и расписных прялках из большой коллекции Исторического музея. Автор группирует прялки по территории их распространения: северные и поволжские. К северным отнесены мезенские,